

НИЧЕГО

КРОМЕ ПРАВДЫ!

Наш корреспондент Ю. А. МЕДВЕДЕВ попросил ответить на некоторые вопросы, касающиеся выводов экспертизы (см. предыдущую статью этого номера), заместителя председателя комиссии, доктора биологических наук А. Г. НАЗАРОВА.

— Многие из выступавших на слушаниях Верховного Совета СССР, посвященных Чернобылю, говорили, что 35-бэровая концепция основана не столько на медицинском подходе, сколько на экономических соображениях. Фактически подтвердил это директор Института биофизики АН СССР Л. И. Ильин, сказав: если ставить целью устранения последствий аварии возвращение к годовой дозе, которая была до катастрофы — а это 100 мбэр, что за жизнь дает 7 бэр — то придется отселить около 1,5 млн. человек. Вряд ли наша страна найдет средства, чтобы осуществить подобную акцию.

Вот, по-моему, истоки 35-бэровой концепции. Так дешевле! Согласны Вы с этим?

— Понимаете, само слово «концепция» означает «существенная система взглядов». Так вот, как выяснила наша экспертиза, никакой системы взглядов, тем более существенной, у авторов этой концепции нет! А есть волевое решение приравнять население, проживающее на загрязненных территориях, к людям, живущим около атомной станции, для которых установлена годовая доза 0,5 бэр. Умножив их на 70 лет, получим 35 бэр.

— Вроде бы звучит логично, ведь люди живут рядом с АЭС и ничего страшного с ними не происходит.

— К сожалению, все не так просто. Впервые, в мире уже пересматривается сам годовой критерий. Скажем, в Англии и ряде других стран предлагается установить дозу 0,1 бэр в год.

А вообще все эти пороговые концепции не имеют научного обоснования. Ведь развитие Земли, человечества происходило при устоявшемся радиационном фоне, который ниже, чем любые предлагаемые пороги. Именно поэтому беспороговая концепция более гуманна.

— В выводах комиссии сказано, что на некоторых территориях, считавшихся благоприятными по плотности загрязнения, молоко оказалось «грязнее», чем в зонах с очень высоким уровнем загрязнения. Чем это объяснить?

— Причина в почвах. Скажем, на влажных коэффициент перехода радионуклидов из почв в растения может быть в сотни раз выше, чем на песчаных. В результате и получается, что молоко при загрязнении 1 кюри/км² порой оказывается «грязнее» чем при 40 кюри/км².

— Значит, все эти карты с зонами, составленные на основании уровней загрязнения, мало что стоят? Ведь нельзя, исходя из них, отселить людей?

— На каком-то этапе, пока коэффициенты перехода только устанавливались, деление на зоны жесткого и нежесткого контроля имело смысл. Сейчас оно себя исчерпало.

— Так какой же должен быть критерий отселения? Загрязнение молока?

— Необходимо, чтобы люди могли жить и работать без каких-либо ограничений. Отсюда следует, что какого-то одного критерия — медицинского или любого другого — быть не должно. Нельзя, скажем, ориентироваться только на радиацию без учета социальных, экологических, экономических аспектов, микроэлементного состава почвы, обеспеченности людей работой и т. д.

Если общая ситуация вызывает психологический стресс, то это уже повод для отселения. И это никакая не радиофобия. Это естественная реакция человека, инстинкт самосохранения. Особенно психологически понятна тревога за судьбу детей, удивительно, если было бы иначе.

Итак, вывод: критерий отселения может быть только комплексный, и, конечно, людям надо дать право выбора. Они сами должны решить, жить здесь или уезжать.

— Но все же есть какой-то главный критерий, понятный каждому человеку, чтобы ему было ясно, опасно здесь жить или нет?

— Надо представлять, что нет четкой непреодолимой грани между «опасно» и «неопасно». Нельзя говорить, здесь жить безопасно, речь должна идти только о степени риска.

Если прямо отвечать на Ваш вопрос, то главный критерий отселения — уровень загрязнения молока. До аварии его уровень по цезию был обусловлен ядерными взрывами в атмосфере и составлял около 10^{-11} кюри/л. После аварии он поднялся, и сейчас его предельная величина, утвержденная Минздравом СССР, равна 10^{-8} кюри/л. Естественно, риск для здоровья повышается.

— Как объяснить людям понятие «риск повышается»?

— Надо сказать, что чем выше уровень загрязнения молока, а, следовательно, и дозы внутреннего облучения, тем больше будет случаев различных заболеваний, обусловленных радиацией.

Это совсем не значит, что каждый конкретный человек обязательно заболеет. Повышается вероятность заболеть.

— То есть при одном уровне загрязнения могут раком заболеть, скажем, 100 человек из миллиона, а при другом, более высоком, — уже 1000 из миллиона?

— Примерно так. Конечно, названные цифры чисто условны, так как эти проблемы в настоящее время только изучаются.

— Итак, если человеку объяснили, насколько повышается риск заболеваний, дальше каждый реагирует по-разному. Один махнет рукой, мол, опасней ездить на машине, чем жить на территории с таким уровнем загрязнения. Другой начнет думать, что его шанс заболеть, скажем, раком повысился, что становится для него психологическим стрессом. Если от слова Кашириковского начинают темнеть волосы, то постоянная тревога может оказаться страшной радиации.

— Какая разница — от чего ослабляется организм? Надо объяснить людям, что опасность для их здоровья повысилась, и они сами должны принять решение, приемлем ли для них такой риск, уехать им или остаться. Необходимо в конце концов научиться говорить людям правду. Ведь с чем мы постоянно сталкивались, выезжая в районы катастрофы? Это элементарное отсутствие правды.

— Очевидно, что и переселение — немалый стресс. Умеем ли мы оценивать его риск для здоровья?

— К сожалению, пока нет. Такие исследования еще не велись. Конечно, надо говорить о риске не абстрактно, а применительно к определенным группам населения. Для детей, людей, которые хотят иметь детей, он выше, для пожилых — ниже.

— И последний вопрос. Специалистам сейчас постоянно задают вопрос: как вы учли опыт катастрофы под Челябинском? Они уверенно отвечают — всё учли. Но Вы сказали, что сам факт, когда молоко на территории с плотностью загрязнения 1 кюри/км² «грязнее», чем там, где она 40 кюри/км², оказался полной неожиданностью.

Это для меня тем более удивительно, что мы в первых номерах журнала за этот год опубликовали отрывки из рассекреченной книги, посвященной кыштымской аварии, где такие случаи подробно описаны.

— Все эти сведения были засекречены, поэтому опыт уральской катастрофы в области радиологии, биогеохимии, экологии практически не был использован в Чернобыле. Кстати, хочу сказать: на Урале делали все, чтобы оттянуть людей из «грязной» зоны. В случае же чернобыльской аварии наоборот — хотели привязать людей к зоне. Это психология ядерной войны — пережить, выстоять.

Пора себе честно сказать: хватит отодвигать решение проблем Чернобыля. Они будут только накапливаться. Это жизнь взаимы, перекладывание проблем, которые мы создали, на будущие поколения.

Надо начинать их решать. И здесь львиная доля усилий должна лечь на местные власти, которые ближе к народу, которые лучше, чем Москва, знают местные беды и нужды.